

Приход между двух огней

ХРАМЫ ДОНБАССА: КРОВОТОЧАЩИЕ,
НО НЕ СЛОМЛЕННЫЕ И ЖИВЫЕ

По самому смыслу своего предназначения Церковь призвана окормлять верующих в разных условиях — в процветании и в нищете, в относительном благоденствии и под репрессивным гнетом жестоких гонений. По человеческим меркам довольно долго все общины Русской Церкви жили под мирным небом. Но кровавый конфликт на востоке Украины и развернувшаяся затем специальная военная операция вынудили приходы учиться развиваться в условиях прямой угрозы здоровью и жизни человека. Каково это — молиться в храме, вокруг которого продолжительное время рвались снаряды и раздавались пулеметные очереди? Обозреватель «Журнала Московской Патриархии» попытался найти ответ на этот вопрос, побывав в Донбассе.

Серая зона

Благочинный церковью Новоазовского округа протоиерей Иоанн Сологуб встречает меня у главного городского храма — Никольского собора. Райцентр Новоазовск, до революции бывший казачьей станицей Новониколаевской, с праздника Успения 2014 года находится под контролем войск ДНР. В самом 10-тысячном городке ни боев, ни вооруженных провокаций с того времени не отмечалось. В воевавшей республике Церковь продолжала строиться, и несколько лет назад в райцентре даже получилось освятить второй православный храм — в честь Иерусалимской иконы Божией Матери.

Украинская власть после переворота правила в Новоазовске всего полгода. Особыми притеснениями православных приходов отметить не успела. «Но нацбатальон “Днепр” (запрещен в РФ. — *Примеч. авт.*) земляки вспоминают недобрыми словами, — продолжает благочинный. — Вояки повадились по ночам брать мужчин в заложники, а потом отдавать их женам за выкуп — по четыре тысячи гривен за душу. Однажды четверть второго ночи стучат в мою калитку. Женщина с ребенком: “Хозяин! Водички бы попить!” Не выходя за забор, фонариком по улице посветил — в отдалении джихад-мобиль с пулеметом. Нашла, говорю, время. Незваная гостья молча ретировалась и тут же получила от “кураторов” выговор за плохо проведенную операцию. А вот настоятелю широкинского храма протоиерею Игорю Вараве повезло меньше. На дороге он пробил колесо, а запаски с собой не оказалось. Подъехали бойцы из нацбатальона, начали помогать, а потом решили телефон водителя проверить. А у него там канал “Русская весна”.

Отобрали документы и велели в расположение прийти: мол, разбираться с тобой будем. Батальон стоял в пансионате в курортном селе Седово. Только, рассказывает, вошел, а на него сразу овчарок натравили. Что делать? Опустился на колени, обхватил голову руками и начал молиться про себя. Собаки подбежали, лаять перестали, принялись играть и руки ему лизать. “Днепровцы” подошли и документы бросили: “Отец, чтобы мы тебя тут больше не видели!”»

В последние месяцы Новоазовск стал центром оказания гуманитарной помощи проходящим необходимые формальности перед въездом в Россию на личных автомобилях гражданам Украины. «В длиннющих очередях они томились по несколько суток, наши приходы снабжали их едой и водой, помогали искать ночлег, потому что весь город был забит беженцами», — рассказывает отец Иоанн и зовет меня на рекогносцировку в село Широкино, восемь лет назад оказавшееся посреди нейтральной полосы на линии соприкосновения. Все полтысячи дворов тогда местные жители вынужденно оставили, не было с тех пор и богослужений в храме во имя преподобного Сергия. «Надо выяснить, в каком он состоянии и что вообще там уцелело», — обрисовывает задачу священнослужитель, выезжая на ведущую на Мариуполь трассу.

Навстречу налегке мчат разгрузившиеся гуманитарные конвои. «Санкт-Петербург», «Батайск», — читаю на стеклах и на кузовах. В спокойное время дорога считалась одной из самых оживленных в регионе, но сейчас даже на интерактивных картах она фактически отсутствует: посередине ее перерубает бывшая линия фронта. В благочинии моего

Сергиевский храм в деревне Широкино (слева)

Владимирский храм в Мариуполе летом 2022 г. (справа)

провожатого — дюжина храмов. Три из них попали в так называемую серую зону — полосу активного обстрела с обеих сторон. Кроме Широкина, это села Саханка и Коминтерново, в храмах которых уже начались восстановительные работы.

Изрядно попетляв по заросшим, давно отвыкшим от колес легковушек дорогам безлюдного села, выскакиваем перед стоящей на живописном взгорке церковью, выстроенной полтора десятка лет назад московским ктитором Сергеем Емельяновым. Фасады в оспинах пулевых ранений, в цоколе следы прямых по-

паданий гранатомета. В нижнем Трехсвятительском приделе — ошметки штукатурки, битое стекло, куски кирпича. Во всю стену — смачно подкрепленная свастикой немного видоизмененная цитата революционера-анархиста Кропоткина: «Церковь несет свет только в том случае, если она горит». Повсюду скверна эсэсовских символов и обозначающие нацистское приветствие две восьмерки...

Конечно, политика и военные конфликты находятся вне зоны церковных интересов. И все же именно в широкинском храме — вернее, в том, что от него осталось, — ярко понимаешь, куда вела сограждан эта публика. Тяжело вздохнув, отец Иоанн потихоньку начинает передвигать к стенам в беспорядке брошенные отступавшими шкафчики и тяжелые аналои, чтобы при последующей уборке они не мешали работать. «Ничего, после пролетарской революции и не так храмы рушили, восстановим, — медленно тянет он, когда мы выбираемся на улицу. — Говорят, у вас в России до сих пор многие сомневаются, что мы столкнулись с настоящим фашизмом...»

Обратно долго едем молча. «Меня часто спрашивают, — наконец вступает в разговор заметно посуровевший водитель, — когда же “все это” закончится. А я вот, проезжая Седово, постоянно теперь слышу громкую музыку из варьете, отзвуки пьянок-гулянок. Понятно, донбасцы натерпелись, хочется отдохнуть. Но уместно ли сейчас так расслабляться? В период невзгод и неурядиц святые отцы советуют проводить более внимательную жизнь. Ведь великие скорби тогда начинаются в обществе, когда умножается грех. Может быть, мы теперь все задумались о покаянии? Нет. Или, отбросив все сиюминутное, дружно встали на сугубую молитву о мире? Тоже нет. Почему же “все это” должно закончиться, если сами-то мы ни на йоту не поменялись?» — горько сетует на прощание священник.

Фронт без тыла

В нынешних границах Мариуполя три десятка храмов Украинской Православной Церкви. Все они вернулись к богослужебной жизни, но каждой из общин пришлось в той или иной степени пройти через боль, страдания, лишения. Освященный десять лет назад

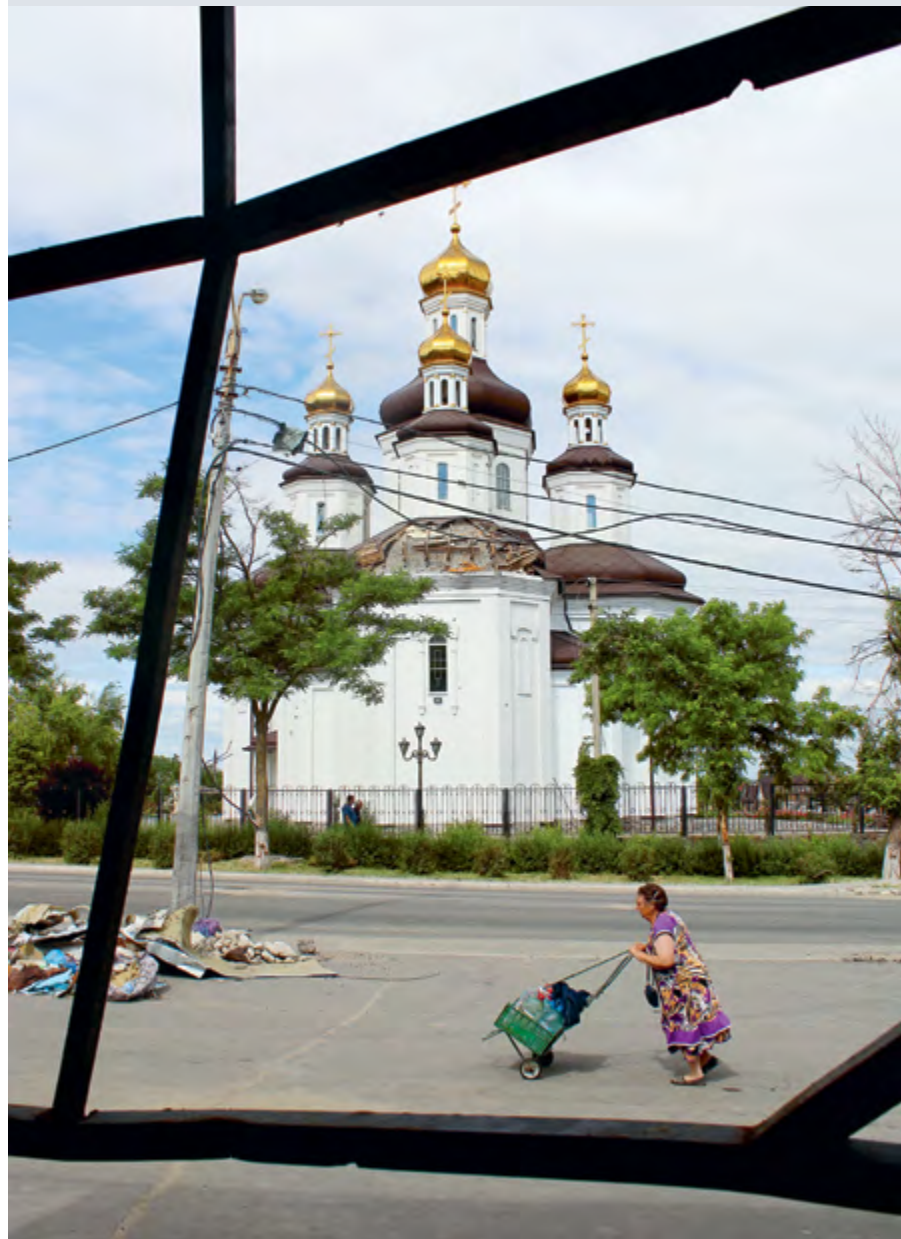
Троицкий храм стоит на западной окраине Мариуполя, но от серьезных повреждений его это не уберегло. «С началом боевых действий войска ВСУ оборудовали на нашей колокольне наблюдательный пункт. Три дня посидели и ушли, — рассказывает священник Иоанн Попов, настоятельствующий здесь с 2019 года. — Не знаю, может, это с целью провокации было сделано, но потом нам досталось опять же от украинской армии. Хотя, мне кажется, не храм с колокольней были главной целью военных. Наступавшие вели прицельный огонь по самому высокому зданию в округе — областной больнице интенсивного лечения, бывшей Второй городской. А она как раз за нами...»

Собственно, история организовавшегося в 2006 году прихода и начиналась с больничного пищеблока. В его пустовавшей тогда половине возник временный храм, а на соседнем пустыре началась стройка. Приход был многолюдным: рядом располагались конечные остановки трех видов общественного транспорта, в пешей доступности возводились многоквартирные высотки. Теперь здание приходского дома, в который была переоборудована старая постройка и где располагались трапезная с воскресной школой, выжжено почти полностью. Остается, правда, надежда, что не пострадали несущие конструкции и строение можно эксплуатировать дальше.

Предыдущие восемь лет после государственного переворота на Украине священнику ничем особенным не запомнились. «Разве что в 2014 году духовенство настоятельно попросили выйти из всех гуманитарных и просветительских проектов и перестали пускать в школы, а раскольникам дали зеленый свет. Поэтому работу внешней миссии нам пришлось в основном перенести в социальные сети, — говорит настоятель, попутно замечая, что многие горожане до сих пор очарованы красивым видеороликом с колядкой, записанным перед праздником Рождества Христова в этом году силами общины и размещенном на приходском видеоканале. — В приходскую жизнь государственные инстанции не влезали. Местные власти не слишком лютовали: понимали, что люди здесь исторически тяготеют к России, а приходы Украинской Православной Церкви пользуются колоссальным

**Алексей Заров, главный врач ЦКБ святителя Алексия
Всеми силами приближать мир**

Мы должны всеми силами приближать условия для скорейшего возвращения мирной жизни. В регионе разрушена система здравоохранения. Практически отсутствует как экстренная, так и плановая медицинская помощь. Нет света, воды, связи, не работает канализация. Именно поэтому медики-добровольцы отправились в Мариуполь, чтобы восполнить острейшую нехватку врачебных специалистов на местах. Церковь и врачи всегда рядом со страждущими. За два месяца в Донбассе побывали 118 наших добровольцев — штатных сотрудников больницы и волонтеров, окончивших организованные нами курсы по уходу.

Александр Марунченко, главный врач Новоазовской центральной районной больницы
Не знаю, что бы мы делали без волонтеров

Убегая от боев, многие мариупольцы выезжали через село Виноградное и, убедившись, что с нетранспортабельными родными не вырвутся, просто оставляли их у амбулатории. Скорая и спасатели везли их к нам. Даже если теоретически предположить, что такие больные могли бы выжить в одиночку в Мариуполе, вернуться им, как правило, было некуда: жилье уничтожено. А хосписная служба нашей республики под этим людским валом захлебнулась. Любая больница рассчитана на определенную базу населения, для нас это 29 тысяч человек. С учетом же того, что ни одно медучреждение в Мариуполе полноценно не функционирует, реально мы работаем на объем примерно вчетверо больший. И я не знаю, что бы мы делали, если бы не волонтеры Московской Патриархии.

авторитетом. С началом спецоперации все изменилось. На улице как-то ко мне подошли трое нацистов и отобрали автомобиль. Сказали, что реквизируют его для военных нужд, добавив, что из-за таких, как я, их дети вынуждены сидеть по подвалам. С 25 февраля мы с семьей и приходским активом решили постоянно находиться в нижнем крестильном храме. В общей сложности там молилось около трех десятков человек, поддерживая друг друга. Наверх не выходили до 16 марта. Как и когда снаряд прямым попаданием пробил стену, даже не заметили. Потом я смотрю — в алтаре повсюду кирпичи, праздничная икона задета, местный ряд иконостаса тоже. Тогда я стал увозить отсюда людей, чтобы они укрылись в более безопасном месте. На это ушло четыре недели».

Увы, спасти удалось не всех. Прямо внутри церковной ограды замечаю свежую могилку шестилетней Ксении Нагуляк. «Это временное захоронение, на завтра родители договорились об эксгума-

ции», — перехватывая мой взгляд, объясняет священник.

Праздник со слезами на глазах

На восточной окраине Мариуполя неожиданно до боли ясно осознаешь, что война есть прямое и непосредственное следствие греховности человеческой природы. 24 февраля, после начала военной операции, микрорайон Восточный и расположенный на его территории Князь-Владимирский храм оказались в зоне взаимного интенсивного огня.

Настоятель протоиерей Михаил Красулин возглавляет приход уже 22 года. В мирное время здесь было много верующих среднего возраста: микрорайон Восточный и административно вошедшие недавно в состав Левобережного района близлежащие села считаются молодыми поселениями. В воскресной школе занималось несколько десятков детей — для Мариуполя это солидная цифра.

— До конца февраля жизнь на нашем приходе развивалась более-менее спокойно. Точно знаю, что из СБУ приходили слушать мои проповеди, но, само собой, политики в них я не касался, — рассказывает настоятель. — К концу этой зимы взгляды прихожан становились все полярнее. К примеру, одни были

недовольны, что колядки по-украински поем, другие — что читаем Апостол на современном русском языке. Но все это обсуждалось чаще по домам, в семьях, а богослужебную жизнь не затрагивало.

В субботу 26 февраля после Литургии улица с прилегающими кварталами стала ареной ожесточенных боев. Дальше, вспоминает священник, пришлось эвакуироваться, в основном рывками: «Второго марта с семьей переехали к куму в Приморский район. Тут же снарядом разнесло у них двор, и 5 марта совершенно чужие люди позволили нам занять пустовавшую однокомнатную квартиру в центре города. А вскоре артобстрел добрался и туда. Взяли теплую одежду, одеяла и на разбитой машине еле успели выехать в село Мангуш. И только там вспомнили: документы-то в панике забыли! Пришлось с другом сделать еще одну небезопасную вылазку...»

Первая Литургия на приходе после паузы в несколько недель состоялась на праздник Благовещения. Люди вылезали из подвалов и со слезами на глазах брели к храму. Такого наплыва верующих отец Михаил не видел ни разу в жизни. При этом бои в городе продолжались и вероятность погибнуть под обстрелом в любую минуту сохранялась.

Пациентку мариупольской больницы готовят к транспортировке в Москву (слева)

Православные добровольцы Юлия Одинаева и Алексей Золотарев ухаживают за больным Новоазовской центральной районной больницы (справа)

Священник Игорь Блинов, штатный клирик Марфо-Мариинской обители милосердия, врач общей практики ЦКБ им. святителя Алексия
Нельзя просидеть в подвале несколько месяцев без последствий

Сначала приходили с ранениями, осколками и травмами. Потом пошли «проснувшиеся» старые заболевания: диабет, гипертония, инсульты и инфаркты, некрозы. Несколько человек с черными, отмарающими из-за обморожения пальцами. Ампутировали. Приходили даже с воспалением легких — казалось бы, в холодном подвале зимой сидели, а проявилось только сейчас. В любом случае — нельзя просидеть в подвале несколько месяцев без последствий! С другой стороны, это как-то укрепляет, тормозит болезни. Мы проводили экспресс-тесты на инфаркт, подключались к электрогенератору и делали кардиограммы. Я даже не знал, что аппендицит или язвенная болезнь желудка — болезни мирного времени. В войну такого не бывает: организм защищается, гормоны болеть не позволяют. После обследований пациентам предлагали один раз в сутки горячее питание. Видели бы вы эти эмоции! Принимали с благодарностью, тихо и скромно.

Бабушка пришла. Живет у родственников, до этого три месяца провела в подвале. Соответственно, не мылась, кожа начала чесаться. Напугана: вдруг это заразная чесотка? «Пожалуйста, вы мне так сразу и скажите. Я уйду и буду одна жить, чтобы никого не заразить!» — говорит почти со слезами. Я успокоил: никакой чесотки нет, анализы подтвердили и осмотр. Она сразу: «Как хорошо! Могу еще пожить с родными!» Рассказывает, что первое время боялась. Рядом взорвалась бомба — было страшно, вторая — тоже, а потом уже и не замечала. Пять бомбежек пережила...

«Реактивные минометы работали по “Азовстали”, — говорит священник. — Зачастую скорые не могли вывезти пострадавших с улиц, потому что водители опасались ехать под бомбежкой, а в квартал, где располагается наш храм, военные из оцепления пропускали меня только потому, что я был в священническом облачении». Зато в выложенном в интернете видеофрагменте богослужения многие увидели родных и знакомых и только так узнали, что они живы. Потом благодаря той видеозаписи сформировалось даже своеобразное мини-сообщество восстановленных связей, вспоминает настоятель.

— Территорию постепенно приводим в порядок. Для водоснабжения будем бурить скважину, — делится планами священнослужитель. — Грандиозных спонсоров у нас нет. Все, что вы видите, делается руками самих прихожан. Провизии, слава Богу, достаточно. Двадцатитонную фуру гуманитарной помощи из Центральной России оплатила фирма с Курил, название которой я прежде

и не слышал. Продукты раздали всем желающим, но часть мешков с крупами еще осталась. Потом пришла машина с продовольствием от военных и с предметами личной гигиены из Москвы. К сожалению, ранен в бою сам храм: реактивным снарядом пробита центральная алтарная апсида. В алтаре разбились семи-свечник и дарохранительница, повреждены Евангелие и на престольные кресты. Случилось это на пике наступления ополчения, так что в храме в тот момент никого не было.

Повреждения, что и говорить, серьезные. Но в сравнении с полностью разбитым и сожженным супермаркетом «Сильпо» буквально напротив не кажутся страшными. В каком-то смысле повезло. При этом жизнь в приходском доме не замирает. Регент копирует ноты для певчих, рабочий замеряет окна для замены разбитых пулями стекол, мирно трудятся повара и уборщицы. Электричество, правда, пока подается от генератора.

Возможно, такое быстрое и по-своему деловитое, несмотря на выгоревшие жилые кварталы вокруг, восстановление приходского хозяйства обусловлено горьким опытом, полученным отцом Михаилом в январе 2015 года. Тогда, во время очередной острой фазы «горячего» конфликта между Украиной и самопровозглашенной республикой, в результате боестолкновений в пригородах Мариуполя у нескольких прихожан Князь-Владимирского храма погибли родные и близкие. Кто больше виноват в тех обстрелах, разобраться трудно. Но жертвы есть жертвы. Их память чтят прихожане, а попутно и сами помогают городу возвращаться к мирной жизни. Князь-Владимирский приход стал базой для размещения добровольцев Центральной клинической больницы святителя Алексия, митрополита Московского, Московской Патриархии Русской Православной Церкви. «После того как фронт отдалился от города, мне довелось познакомиться с главным врачом больницы Алексеем Заровым, — говорит отец Михаил. — Поскольку у нас есть возможность разместить группы добровольцев (пускай пока в частично отделанных помещениях), мы начали тесно сотрудничать с Алексеем Юрьевичем и в вопросах медицинской помощи населению».

Когда мы заканчиваем разговор, во дворе паркуется микроавтобус с очередной прибывшей из России сменой добровольцев. Все они прошли 72-часовые курсы по обучению уходу за больными. Церковным волонтерским автомобилем с начала июня управляет недавний москвич и предприниматель со стажем Алексей Золотарев. Старший группы — менеджер по проектам Михаил Токарев, его напарник — сотрудник банка Дмитрий Тагиль. Прекрасный пол представляют штатный гид московского Зачатьевского монастыря Юлия Одинаева и ветврач ростовчанка Марина Соловьева. Для них это вторая командировка в Донбасс за месяц, обе начинали с Новоазовска, отучившись перед этим на курсах сестринского ухода. «Год назад пошла православным добровольцем в “красную зону” ковидного госпиталя на ВДНХ, — рассказывает Юлия Валерьевна. — Коронавирус для меня — личная война, а спецоперацию на Украине я рассматриваю как ее продолжение. Ни секунды не раздумывала, когда Церковь объявила набор на курсы по уходу за тяжелобольными. После получения диплома младшей медсестры работала в московском госпитале в Ховрино, где лежат раненные военнослужащие, там и получила “боевой опыт”».

За два первых месяца скорыми ЦКБ святителя Алексия из Донбасса в московскую церковную больницу вывезли 28 пациентов, почти все они — тяжелые и сейчас проходят лечение в столичных стационарах. «Ну а как же иначе, — резюмирует отец Михаил, поприветствовав волонтеров, которые, наскоро умывшись с дороги и бросив вещи на втором этаже приходского дома, сразу идут к пациентам в Областную клиническую больницу интенсивного лечения. — Чтобы тебе помогли, надо сначала самому сделать что-то доброе. Мы в меру сил помогаем добровольцам, они спасают пациентов. Цепочка добра хрупкая и тоненькая. Но тут главное начать, а потом обязательно кто-нибудь присоединится...»

Дмитрий АНОХИН

За содействие в подготовке материала автор признателен штатному сотруднику Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению Елене Любовиной.

Мариуполь летом 2022 г. после освобождения (слева)

Благочинный церковей Новоазовского округа протоиерей Иоанн Сологуб (справа)